

Немного крутенько, г. Шмелев!.. Надо бы „послабже, полетнее“.. Этакъ вы пожалуй дойдете до „скверныхъ словъ“ въ своихъ объяснительныхъ бесѣдахъ...

Е. Валинь.

Бѣглыя замѣтки.

Павильонъ товарищества Нобель—прежде всего самое стильное зданіе на выставкѣ въ смыслѣ своей архитектурной законченности. Все, что построено на выставкѣ „въ стилъ“, грѣшитъ многими отступленіями отъ него, не точностями и невдержанностью. Такъ, напримеръ, „жемчужина русскаго строительнаго искусства“,—какъ называлъ парскій павильонъ одинъ любезный финя въ гельсингфорской газетѣ, —не смотря на столь лестный отзывъ о „жемчужинѣ“, заставляетъ всетаки отвѣстись съ сомнѣніемъ къ чистотѣ ея национальности.

Воздушности и изящества этого зданія, его склонность къ готикѣ, выражающаяся въ непобѣдимомъ стремленіи къ небу, и общій его вычурный ансамбль—едва-ли имѣетъ много общаго съ духомъ приземистыхъ великорусскихъ избъ, классическихъ образцы которыхъ и до сей поры еще сохранились въ новгородской и псковской, а также владимирской губерніяхъ.

Мавританскій стилъ павильона Средней Азии, помимо того, что онъ въ Средней Азии не совѣтъ у мѣста, ибо она выработала и имѣетъ свою архитектуру,—еще и не выдержанъ, о чемъ свидѣлствуютъ его арки, лишеныя характернаго изгиба и выпраямленія, а также и утрированная пестрота зданія. Сильныхъ построекъ вообще на выставкѣ не много, на ней преобладаетъ стилъ „рококо — знай нашихъ!“ или венигеретъ изъ разныхъ стилей, спутанныхъ и перепутанныхъ фантазіей нашихъ архитекторовъ въ нѣчто сильно поражающее зрѣніе, едва-ли красивое.

Тѣмъ лучше, на общемъ фонѣ свободнаго творчества строителей выдѣляется павильонъ Нобеля своей художественной красотой и точностью. Онъ такъ и кажется выхваченнымъ изъ какого-нибудь испанскаго калифата и при вхождѣ въ него—елси не смотришь на право — иллюзія продолжалась. Волшебная путаница рисунка по стѣнамъ такъ и брызжетъ знойной фантазіей мавровъ—и ахъ, какъ неиротко видѣть среди этихъ пестрыхъ красокъ востока—модель буровой скважины, со всеми подробностями работъ по буренію! Съ точностью и поучительностью, заслуживающей полного подражанія—показано, какъ машины приводятъ въ движеніе буръ, какъ онъ входитъ въ почву, какъ устанавливаются трубы для прохода нефти и вынимается изъ скважины грунтъ. Далѣе вы видите образцы трубъ и бура, встрѣившаго слишкомъ твердый грунтъ и смятаго въ скважинѣ, десятипудовое долото для буренія, расширитель скважинъ, „башмакъ“ для рѣзанія смятыхъ и застрявшихъ въ скважинѣ трубъ, трубо-рѣзку,—громоздкій приборъ, опять таки употребляемый для очищенія засоренныхъ иSPORTИВШЕЙСЯ трубой скважины, гилку—клинцы пудовъ въ пятьдесятъ, назначенныя для захватыванія трубъ, смятыхъ въ скважинѣ, вежнички, которыми и герметельсѣдла-ли въ состояніи бѣзъ-бы отстрелить что-либо, въ виду ихъ величины и тяжести.

Во время буренія, встрѣчая твердыя грунты, трубы и самыя аппараты для буренія съ страшной силой вгоняемыя машиной въ почву,—часто мнутса, какъ тѣсто или за мазка,—и вотъ вы видите и образцы этихъ сжатыхъ давленіемъ, искоркавшихъ трубъ и всѣ приборы для очищенія засоренныхъ испортившихся аппаратовъ буровыхъ скважинъ. Вообще техника дѣла нефтедобыванія представлена въ павильонѣ Нобеля, замѣчательно наглядно и ясно.

Предъ вами въ миниатурѣ все, что есть и что дѣлается въ законченной дымомъ странѣ „нефтянаго короля“. Модели его пристаней и флотиды, образцы нефти и ея производныхъ, виды топокъ, керосиновыхъ лампъ, образцы почвъ, цезаринъ, озакеринъ, минеральныя масла, нефть и даже двадцатифунтовые камни, поднятые ею изъ нѣдръ земли и выброшенные на воздухъ черезъ вышки, вмѣстѣ съ черной, густой струей, этой невѣдомо какъ рожденной жидкости, породившей громадную состоянія, цѣлыя фабрики города, флотилия судовъ для ея перевозки, заводы для производства аппаратовъ эксплуатаціи жидкости, которая играетъ въ промышленности нашего времени такую видную роль, изъ которой пробовали дѣлать даже сахаръ, оказавшійся слишкомъ сладкимъ, и которая сдѣлала жизнь Баку очень горькой, пропитавъ своимъ жиромъ и ароматомъ весь городъ.

„Черный городокъ“ представленъ въ павильонѣ Нобеля дѣликомъ въ прекрасной обстановкѣ Шильдера, вызывающей всеобщій интересъ публики своимъ художественнымъ и реальнымъ исполненіемъ; эта панорама—оставляетъ далеко за собой пестрое „покореніе Кавказа“ профессора Рубо, хоти и не покорившаго своей кистью природу Кавказа, но собравшаго и собирающаго съ публики весьма обильную и очень высокую мзду за „посмотрѣніе“ на его большущее батальное полотно. Картина Шильдера настолько хороша, иллюзія вызываемая ею такъ полна, что прямо таки хочется пойти по песчанымъ, пропитаннымъ нефтью, застроеннымъ кубообразными зданіями улицамъ, этого даже черезъ чуръ Чернаго города.

Предъ вами развертывается во все стороны скучное, жаркое, выпачканное нефтью поселеніе, странной мрачной архитектуры... Рѣдкіе прохожіе въ восточныхъ костюмахъ идутъ по улицамъ. Длинной цѣпью тянется караванъ верблюдовъ, рядомъ съ

ними, утопая въ песокъ пагаютъ погонщики, истомленные африканской жарой. Вамъ кажется, что вы слышите тяжелые вздохи работающаго пара, чувствуете запахъ нефти, слышите плескъ полубога моря, уходящаго въ даль, позлащеннаго солнцемъ. Тамъ, далеко на горизонтѣ, рисуется туманное пятно Апшеронскаго полуострова, желтоватое и скучное. Противъ него—бухта, вся голубая, и по берегу ея раскинулся Баку, городъ безъ клочка зелени, издали кажущійся грудой развалинъ, скучный, жаркій, шумный, пахучій. За нимъ, на горизонтѣ желтоватая гора. Песокъ, песокъ... И надо веѣмъ этимъ—знойное, расслабляющее солнце... Скучно и тошно отъ созерцанія этой стороны считающей нефть сотнями миллионныхъ пудовъ и деньги миллионными рублями. Столько въ ней богатствъ и такъ она бѣдна, такъ забята Богомъ... А какъ скверно живетса людьми въ этой Калифорніи Нобелей и Ротшильдовъ! Какъ антисанитаренъ и классически грязенъ этотъ городъ обтованной страны нефтянниковъ—не разъ доказывала холера, какъ звѣрски грубы его нравы—ежедневно доказываетса издающаяся въ немъ газета *Каспій*. Это городъ стоящій у „золото-го дна“ и неизмѣющій себя равнаго по бѣдности жизни и природы.

Уходящъ изъ панорамы Шильдера въ такомъ скверномъ и подавленномъ настроеніи точно и на самомъ дѣлѣ былъ въ Баку. Вотъ мой комплиментъ художнику, вполне заслуженный имъ! Внизу еще нѣсколько его картинъ, и въ которыхъ лучшая „Храмъ огнепоклонниковъ“. Эффекты освѣщенія стѣнъ храма вѣчно горящимъ огнемъ на жертвенникѣ, напоминающемъ о дридахъ, и на башняхъ храма—переданы кистью художника великолепно. Бархатно-черное небо написано замѣчательно и зарево отъ огней храма, пылающее на немъ, кажется—трепещетъ. Огонь—живой. Пятна тѣней ночи и блики этого таинственнаго огня, съ которымъ связано много мрачныхъ и мистическихъ легендъ и сказаній, лежатъ на полотнѣ такъ художественно правдиво. Другая картина „Послѣднее Чернаго городка Императоромъ Александромъ II“ менѣе эффектна по исполненію. Могущая фигура Императора, нынѣ вдовствующая Императрица, Ихъ свѣта—все это какъ-то замерло и не кажется движущимся. Панорама устроена Нобелемъ именно въ память этого событія и 15 копеечный сборъ съ нея назначается въ пользу „Общества распространенія коммерческаго образованія“. Въ виду такой симпатичной цѣли и крупнаго художественнаго значенія картинъ Шильдера—панорама заслуживаетъ полнаго вниманія публики. Впрочемъ нельзя пожаловаться на то, что публика плохо посѣщаетъ этотъ интересный павильонъ: до 29-го іюля въ немъ перебывало 16250 человекъ. Его въѣзщій видъ, импонирующій своей важной, стильной красотой поневождъ заставляетъ заглядывать въ него. А въ немъ бросаются въ глаза эти чудныя арки мавровъ и рисункъ на стѣнахъ, заставляющій вспоминать о картинахъ и гравюрахъ Альгамбры, наконецъ вся эта техничная нефтестроительности, такая оригинальная и такъ наглядно представляемая, сопровождаемая объясненіями—обозобра надолго удержатъ вниманіе публики и даетъ ей полную картину добычи нефти. Хорошо-бы такъ-же для сравненія и Баку-городу показать на выставкѣ кусочекъ своей культуры, въ видѣ хотя-бы очерка дѣятельности его самоуправленія и двухъ-трехъ диаграммъ, поясняющихъ санитарное состояніе города, положеніе въ немъ начальнаго образованія, рассказать о томъ, какъ въ него возятъ воду и какъ дистернахъ по желѣзной дорогѣ и какъ давно говорятъ объ устройствѣ въ немъ болѣе удобнаго и нормальнаго водоснаженія, а также показать процентъ смертности его населенія и прочее въ этомъ духѣ. Сопоставивъ культуру города съ оглушающими цифрами доходовъ его гражданъ нефтянниковъ, публика вынесла бы изъ павильона впечатлѣніе болѣе опредѣленное и широкое, чѣмъ то, съ которымъ она уходитъ изъ павильона теперь. Съ одной стороны, солидно звучали бы сотни миллионныхъ пудовъ и десятки миллионныхъ рублей,—съ другой, развернулась бы поразительная картина грязи, дичи и всякой скверны, обязанной своимъ существованіемъ главнымъ образомъ тому, что богачи граждане города слышкомъ глубоко погружены въ нефть и не могутъ удалить городу ничего... Ни времени по недостатку его, ни денегъ по недостатку щедрости у денежныхъ людей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Г.—ній.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ внутренней жизни.

(Отъ нашего корреспондента).

Г. Ардатовъ (нажегор. губ.). Не такъ давнѣ въ нашемъ уѣздномъ сѣздѣ разсматривалось уголовное дѣло, раскрывающее любопытную странячку „кабацкаго царства“. 8 января настоящаго года крестьянинъ владимирскаго уѣзда, меленковскаго уѣзда, села Досчатаго, Николай Крутовъ отправился работать въ село Выксу на заводъ, надѣвъ на себя новый дубленый полушубокъ. Придя въ это село, онъ прежде всего зашелъ въ винную лавку Сухарькова, въ которой служить приказчикомъ Павелъ Егоровъ Сорокинъ, и купилъ водки. Такъ какъ у Крутова денегъ не было, онъ снялъ съ своихъ плечъ полушубокъ, стоящій 10 р., и заложилъ его Сорокину, а этотъ отпустилъ ему четверть водки, стоящую 1 р. 40 к.; но такъ какъ дѣло было зимнее и Крутову нати въ одной рубашкѣ было холодно, то Сорокинъ снабдилъ его для временнаго поль-